

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга 1

КАК СТАТЬ ВОЖДЕМ

Глава 1. Начало пути	8
Родословное дерево	8
«Шестидесятники»	16
Симбирск	23
Гимназия	33
1 марта 1881 года	42
Старший сын в доме	49
Аттестат зрелости	57
Глава 2. «Брат повешенного»	64
Казань	64
Кокушкино	69
«Мутный доклад»	76
Самара	83
Голод	94
«Палата № 6»	104
Глава 3. «Союз борьбы»	114
В столице	114
«Лидер питерских эсдеков»	121
В «прекрасном далеке»	128
«Зачаток партии»	136
Глава 4. Тюрьма и ссылка	146
Одиночка	146
«Гидра революции»	154
«Цивилизованная ссылка»	176
Свадьба	185
Семья	196
Глава 5. На пороге века	207
«Тройственный союз»	207
Два паспорта	217
«Нравственная баня»	229
«Вы должны быть сильны»	255

Книга 2
НА ГРАНИ ВОЗМОЖНОГО

Глава 1. Возвращение	267
«Я люблю свою профессию»	267
«Штурм приближается»	280
«План Мартова»	297
«Пломбированный вагон»	314
Глава 2. «Самый безболезненный путь»	330
«Мои личные тезисы»	330
«Окажите доверие нам»	352
Глава 3. «Мятеж»	367
«Принимай власть, коли дают»	367
Клевета	390
Генеральский путч	413
Глава 4. «Кризис назрел»	441
«Грозящая катастрофа»	441
«На вулкане»	464
«Последнее подполье»	488
Глава 5. Восстание	524
«Время слов прошло»	524
«Промедление смерти подобно»	547
«К гражданам России!»	568
«Председатель Совнаркома»	592

Книга 3
«СИМ ПОБЕДИШИ»

Глава 1. Крутой поворот	622
НЭП	622
Голод	635
«Общее дело»	652
«Гражданский мир»	659
«Максимум» ВЧК	682
Глава 2. От штурма к осаде	694
Накануне партсъезда	694
«Не отчет, а политические уроки»	714
«...Не прозевать второго Кронштадта»	727

Глава 3. Странная болезнь	746
«Прошу разрешить мне отпуск...»	746
Странная болезнь	752
«Я уже почти здоров...»	773
Глава 4. Последней умирает надежда	796
«Я кончил ликвидацию своих дел»	796
Нечто вроде дневника	804
«Серьезное ухудшение»	832
Последние дни	853
Примечания	865

Книга 1

КАК СТАТЬ ВОЖДЕМ

ГЛАВА 1. Начало пути

Родословное дерево

«Биографическая хроника В.И. Ленина» начинается с записи:
«Апрель, 10 (22).

Родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Отец Владимира Ильича — Илья Николаевич Ульянов был в то время инспектором, а затем — директором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из бедных мещан города Астрахани. Его отец ранее был крепостным крестьянином.

Мать Ленина — Мария Александровна была дочерью врача А.Д. Бланка».

Любопытно, что сам Ленин многих деталей своей родословной не знал. В их семье, как и в семьях других «разночинцев», было принято копаться в своих «генеалогических корнях». Это уж потом, после смерти Владимира Ильича, когда интерес к подобному рода проблемам стал расти, этими изысканиями занялись его сестры. Поэтому, когда в 1922 году Ленин получил подробную анкету партпереписи, на вопрос о роде занятий деда с отцовской стороны искренне ответил: «Не знаю».

Дед, прадед и прапрадед Ленина действительно были крепостными. Прапрадед — Никита Григорьевич Ульянин — родился в 1711 году. По ревизской сказке 1782 года он с семьей младшего сына Феофана был записан как дворовый человек помещицы села Андреевского Сергачской округи Нижегородского наместничества Марфы Семеновны Мякининой.

По той же ревизии его старший сын Василий Никитич Ульянин, 1733 года рождения, с женой Анной Семионовной и детьми Самойлой, Порфирием и Николаем проживали там же, но числились дворовыми корнета Степана Михайловича Брехова.

По ревизии 1795 года дед Ленина Николай Васильевич, 25 лет, холостой, сначала проживал с матерью и братьями в том же селе, но значились они уже дворовыми людьми подпрапорщика Михаила Степановича Брехова.

Значиться он, конечно, значился, но в селе его уже не было...

В Астраханском архиве хранится документ — «Списки именные ожидаемых к причислению зашедших беглых из разных губерний

Владимир Ульянов в молодости

помещичьих крестьян», где под номером 223 записан «Николай Васильев сын Ульянин... Нижегородской губернии, Сергачской округи, села Андросова, помещика Степана Михайловича Брехова крестьянин. Отлучился в 1791 году». Беглым он был или отпущенным на оброк и выкупившимся — точно неизвестно, но в 1799 году в Астрахани Николая Васильевича перевели в разряд государственных крестьян, а в 1808 году приняли в мещанское сословие, в цех ремесленников-портных.

Сохранились и его приметы: «Ростом 2-х аршин и 6 вершков (168,9 см. — *ВЛ*), волосы на голове, усы и борода светло-русые, лицом бел, чист, глаза карие». Сопоставьте эти приметы с полицейской справкой о Ленине, и вы увидите — «в кого пошел» внук.

Избавившись от крепостной зависимости и став свободным человеком, Николай Васильевич сменил фамилию «Ульянин» на «Ульянинов», а затем «Ульянов». Вскоре он женился на дочери астраханского мещанина Алексея Лукьяновича Смирнова — Анне Алексеевне, которая родилась в 1788 году и была моложе мужа на 18 лет.

Исходя из некоторых архивных документов, писательница Мариэтта Шагинян выдвинула версию, согласно которой Анна Алексеевна — не родная дочь Смирнова, а крещеная калмычка, вызволенная им из рабства и удочеренная якобы лишь в марте 1825 года. Бесспорных доказательств этой версии нет, тем более что уже в 1812 году от этого брака родился сын Александр, умерший 4 месяцев от роду, в 1819 году на свет появился сын Василий, в 1821-м — дочь Мария, в 1823-м — Феодосия и, наконец, в июле 1831 года, когда отцу было уже за 60, — сын Илья.

Поселились они в Астрахани, у Волги, на так называемой Косе, на бывшей Казачьей улице в двухэтажном доме с кирпичным низом и деревянным верхом. Вместе с ними всю жизнь проживала и сестра Анны Алексеевны — Татьяна Алексеевна Смирнова, которую считали «крестной». И когда в 1837 году составляли списки рекрутского набора, мещанин Николай Ульянов и сыновья его Василий и Илья значились в них — *«коренного российского происхождения»*.

После смерти Николая Васильевича заботы по содержанию семьи и воспитанию детей легли на старшего сына Василия Николаевича. Работая в ту пору приказчиком известной в Астрахани фирмы «Братья Сапожниковы» и не обзаводясь собственной семьей, он сумел обеспечить в доме не только достаток, но и дал младшему Илье образование.

В 1850 году Илья Николаевич окончил с серебряной медалью Астраханскую гимназию, поступил на физико-математический факультет Казанского университета, а в 1854 году успешно закончил его, получив звание «кандидат физико-математических наук» и право преподавания в средних учебных заведениях. И хотя ему было предложено остаться при кафедре для «усовершенствования в научной работе» — и на этом настаивал знаменитый математик Н.И. Лобачевский, — Илья Николаевич предпочел «карьеру» учителя.

Первым местом его работы — с 7 мая 1855 года — стал Дворянский институт в Пензе. Служба шла успешно. Его утвердили в должности старшего преподавателя математики старших классов, а в 1860 году наградили медалью «В память войны 1853—1856 годов» и дали чин титулярного советника.

В июле 1860 года сюда же на должность инспектора Дворянского института приехал Иван Дмитриевич Веретенников. Илья Николаевич подружился с ним и его женой, и в том же году Анна Александровна Веретенникова (урожденная Бланк) познакомила его с Марией Александровной Бланк, которая на зиму приезжала к сестре в гости. Илья Николаевич стал помогать Марии Александровне в подготовке к экзамену на звание учительницы, а она ему — в разговорном английском. Молодые люди полюбили друг друга, и весной 1863 года состоялась помолвка.

15 июля того же года, после успешной сдачи экстерном экзаменов при Самарской мужской гимназии, «дочь надворного советника девица Мария Бланк» получила звание учительницы начальных классов «с правом преподавания Закона Божьего, русского языка, арифметики, немецкого и французского языка». А в августе сыграли свадьбу, и «девица Мария Бланк» стала женой надворного советника — чин этот ему пожаловали тоже в июле 1863 года — Ильи Николаевича Ульянова.

Родословную семьи Бланк исследовали А.И. Ульянова, М.И. Ульянова, а в недавние годы М.С. Шагинян, А.Г. Петров, М.Г. Штейн, В.В. Цаплин и другие. Анна Ильинична рассказывает: «Старшие не могли нам выяснить этого. Фамилия казалась нам французского корня, но никаких данных о таком происхождении не было. У меня лично довольно давно стала являться мысль о возможности еврейского происхождения, на что наталкивало, главным образом, сообщение матери, что дед родился в Житомире — известном еврейском центре. Бабушка — мать матери — родилась в Петербурге и была по происхождению немкой из Риги. Но в то время как с родными по матери у мамы и ее сестер связи поддерживались довольно долго, о родных ее отца, А.Д. Бланк, никто не слышал. Он являлся как бы отрезанным ломтем, что наводило меня также на мысль о его еврейском происхождении. Никаких рассказов деда о его детстве или юношестве у его дочерей не сохранилось в памяти»¹.

О результатах розысков, подтвердивших ее предположение, А.И. Ульянова сообщила Сталину в 1932 и 1934 годах. «Факт нашего происхождения, предполагавшийся мною и раньше, — писала она, — не был известен при его [Ленина] жизни... Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта»².

«Молчать о нем абсолютно», — таков был категорический ответ Сталина. Да и сестра ее Мария Ильинична тоже полагала, что факт этот «пусть будет известен когда-нибудь через сто лет»³.

Сто лет еще не прошло, но уже опубликованные данные позволяют с достаточной уверенностью прочертить родословную семьи Бланков⁴.

Прадед, Моше Ицкович Бланк, родился, видимо, в 1763 году. Первое упоминание о нем содержится в ревизии 1795 года, где среди мещан города Староконстантинова Волынской губернии под номером 394 записан Мойшка Бланк. Откуда появился он в здешних местах — неизвестно. Впрочем.

Несколько лет тому назад известный библиограф Майя Дворкина ввела в научный оборот любопытный факт⁵. Где-то в середине 20-х годов архивист Юлиан Григорьевич Оксман, занимавшийся по заданию директора Ленинской библиотеки Владимира Ивановича Невского изучением родословной Ленина, обнаружил прошение одной из еврейских общин Минской губернии, относящееся якобы к началу XIX века, об освобождении от подати некоего мальчика, ибо он является «незаконным сыном крупного минского чиновника», а посему, мол, община платить за него не должна. Фамилия мальчика была — Бланк.

По словам Оксмана, Невский повез его к Каменеву, а затем втроем они явились к Бухарину. Показывая документ, Каменев буркнул: «Я всегда так думал». На что Бухарин ему ответил: «Что вы думаете — не важно, а вот что будем делать?» С Оксмана взяли слово, что он никому не скажет о находке. И с тех пор этого документа никто не видел.

Итак, документ обнаружен где-то около 1925 года. Спустя 45 лет, в 1970 году, Оксман все-таки рассказал о нем итальянскому историку Франко Вентури. При этом присутствовал В.В. Пугачев, который спустя 25 лет, в 1995 году, опубликовал в Саратове свой рассказ о данном факте⁶.

Если Пугачев действительно запомнил дату документа точно, то никакого отношения к Моше Бланку вся эта история не имеет. В начале XIX века он был уже не мальчиком, а вполне зрелым мужем. Но надо учитывать и возможность того, что в многократный пересказ вкралась хронологическая неточность и мы имеем дело с «испорченным телефоном».

Так или иначе, но появился Моше Бланк в Староконстантинове, будучи уже взрослым, и в 1793 году женился на местной 29-летней девице Марьям (Марем) Фроимович. Из последующих ревизий видно, что Моше Бланк читал как по-еврейски, так и по-русски, имел собственный дом, занимался торговлей и плюс к тому у местечка Рогачево арендовал землю, которую засеивал цикорием.

В 1794 году у него родился сын Аба (Абель), а в 1799-м — второй сын Сруль (Израиль). В.В. Цаплин отмечает, что с самого начала у М.И. Бланка не сложились отношения с местной еврейской общиной. Он был «человеком, который не хотел или, может быть, не умел находить общий язык со своими соплеменниками»⁷. Иными словами, община его просто возненавидела. И после того как в 1808 году во время пожара, а возможно и поджога, дом Бланка сгорел, семья переехала в Житомир.

Много лет спустя, в сентябре 1846 года, М.И. Бланк написал письмо императору Николаю I, из которого видно, что уже «40 лет назад»

он «отрекся от евреев», но из-за «чрезмерно набожной жены», скончавшейся в 1834 году, принял христианство и получил имя Дмитрия лишь 1 января 1835 года.

Однако поводом для письма стало иное: сохраняя неприязнь к своим соплеменникам, Дмитрий (Мойша) Бланк предлагал — в целях ассимиляции евреев — запретить им ношение национальной одежды, а главное — обязать их молиться в синагогах за российского императора и императорскую фамилию.

Любопытно, что в октябре 1846 года письмо это было доложено Николаю I, и он полностью согласился с предложениями «крещеного еврея Бланка», в результате чего в 1850 году запретили ношение национальной одежды, а в 1854 году ввели соответствующий текст молитвы. М.Г. Штейн, собравший и тщательно проанализировавший наиболее полные данные о родословной Бланков, справедливо заметил, что по неприязни к своему народу Дмитрия Бланка «можно сравнить, пожалуй, только с другим крещеным евреем — одним из основателей и руководителей Московского Союза русского народа В.А. Грингмутом...».

О том, что Бланк решил порвать с еврейской общиной задолго до своего крещения, свидетельствовало и другое. Оба его сына, Абель и Израиль, как и отец, тоже умели читать по-русски, и когда в 1816 году в Житомире открылось уездное (поветовое) училище, они были зачислены в него и успешно окончили. С точки зрения верующих евреев, это было кощунство. И все-таки принадлежность к иудейскому вероисповеданию обрекала их на прозябание в границах «черты оседлости». И лишь событие, случившееся весной 1820 года, круто изменило судьбу молодых людей.

В апреле в Житомир прибыл в служебную командировку «высокий чин» — правитель дел так называемого «Еврейского комитета» сенатор и поэт Дмитрий Осипович Баранов. Каким-то образом Бланку удалось встретиться с ним, и он попросил сенатора оказать содействие сыновьям при поступлении в Медико-хирургическую академию в Петербурге. Баранов евреям отнюдь не симпатизировал, но довольно редкое в то время обращение двух «заблудших душ» в христианство было, по его мнению, делом благим, и он согласился.

Братья сразу же поехали в Петербург и подали прошение на имя митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Михаила. «Поселясь ныне на жительство в С.-Петербурге, — писали они, — и имея всегдашнее обращение с христианами, греко-российскую религию исповедающими, мы желаем ныне принять оную»⁸.

Ходатайство удовлетворили, и уже 25 мая 1820 года священник церкви Преподобного Сампсония в Санкт-Петербурге Федор Барсов обоих братьев «крещением просветил». Абель стал Дмитрием Дмитриевичем, а Израиль — Александром Дмитриевичем. Новое имя он получил в честь своего восприемника графа Александра Апраксина, а отчество — в честь восприемника Абеля сенатора Дмитрия Бара-

нова. А 31 июля того же года, по указанию министра просвещения князя Голицына, братьев определили «воспитанниками Медико-хирургической академии», которую они и закончили в 1824 году, удостоившись ученого звания «лекарей 2-го отделения» и презента в виде карманного набора хирургических инструментов.

Дмитрий Бланк остался в столице полицейским врачом, а первым местом работы Александра с августа 1824 года стала должность уездного врача в городе Поречье Смоленской губернии. Но в октябре 1825 года и он вернулся в Петербург, где был зачислен, как и его брат, в штат столичной полиции в качестве врача. В 1828 году А.Д. Бланка произвели в штаб-лекари. Пора было думать и о женитьбе...

Его крестный отец граф Александр Апраксин был в то время чиновником особых поручений министерства финансов. Так что Александр Бланк, несмотря на происхождение, вполне мог рассчитывать на приличную партию. Видимо, в доме другого благодетеля — сенатора Дмитрия Баранова, увлекавшегося поэзией и шахматами, — где бывал Пушкин и собирался чуть ли не весь «просвещенный Петербург», он познакомился с братьями Грошопфами и был принят у них в доме.

Глава этой весьма солидной семьи Иван Федорович (Иоганн Готлиб) Грошопф — прибалтийский немец, среди предков которого, происходивших из Северной Германии, был Э. Курциус — домашний учитель кайзера Фридриха III, а среди дальних потомков — генерал-фельдмаршал вермахта В. Модель⁹.

Работал Иван Федорович консулентом Государственной Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел и дослужился до чина губернского секретаря. Его супруга Анна Карловна — в девичестве Эстедт — была шведкой, лютеранкой, родители которой являлись состоятельными купцами и жили сначала в шведском городе Упсала, а потом переехали в Петербург. Детей в семье Грошопф было восемь: сыновья — Иоганн, служивший в русской армии, Карл — вице-директор в департаменте внешней торговли министерства финансов, Густав, заведовавший рижской таможней, и пять дочерей — Александра, Анна, Екатерина (по мужу — фон Эссен), Каролина (по мужу — Биурберг) и младшая Амалия.

Познакомившись с этой семьей, А.Д. Бланк сделал предложение Анне Ивановне. Незадолго до этого она окончила пансион, владела несколькими языками и прекрасно играла на клавикордах. Именно в ее исполнении Александр Бланк впервые услышал полюбившуюся ему «Лунную сонату» Бетховена.

Согласие на брак было получено, и уже 9 сентября 1830 года родился сын Дмитрий (покончил с собой в 1850 году 19 лет от роду, будучи студентом Казанского университета), 30 августа 1831 года — дочь Анна (по мужу — Веретенникова), 20 августа 1832-го — Любовь (по первому мужу — Ардашева, а по второму — Пономарева), 9 января 1834-го — Екатерина (по первому мужу — Алехина, по второму — Залезская), 22 февраля 1835-го — Мария (по мужу — Ульянова) и 24 июня 1836-го — Софья (по мужу — Лаврова).

Дела у Александра Дмитриевича поначалу складывались неплохо. Как полицейский врач он получал тысячу рублей в год. За «расторопность и усердие» не раз удостоивался благодарностей. Но в июне 1831 года во время «холерных беспорядков» в столице взбунтовавшейся толпой был зверски убит его брат Дмитрий, дежуривший в Центральной холерной больнице. Эта смерть настолько потрясла А.Д. Бланка, что он уволился из полиции и более года не работал. Лишь в апреле 1833 года он вновь поступил на службу ординатором в больницу Св. Марии Магдалины, предназначенную для бедноты заречных районов Петербурга. Между прочим, именно здесь в 1838 году у него лечился Тарас Шевченко. Одновременно, с мая 1833 года по апрель 1837 года, А.Д. Бланк служил и в Морском ведомстве. В 1837 году после сдачи экзаменов он был признан инспектором врачебной управы, а в 1838-м — медико-хирургом.

Расширялась и частная практика А.Д. Бланка. Среди его пациентов появились представители высшей знати. Это позволило ему переехать в приличную квартиру во флигеле одного из роскошных особняков на Английской набережной, принадлежавшего лейб-медику императора и президенту Медико-хирургической академии баронету Якову Виллие. Именно здесь в 1835 году родилась М.А. Бланк. Крестным отцом Машеньки стал их сосед — адъютант великого князя Михаила Павловича, а с 1833 года — шталмейстер императорского двора Иван Дмитриевич Чертков.

Слухи и сплетни о близости Марии Александровны ко двору породили в последние годы обширную литературу, в которой «маститые» авторы расписывали историю о том, как красавица Машенька стала любовницей императора Александра III (по другим версиям — великого князя), как родила она от государя сына Александра, после чего и была выдворена со всем семейством из столицы в Казанскую губернию. Для читателей, уже привыкших к пошлости, звучит все это вполне романтично и убедительно. Одна беда — Машенька покинула Петербург, когда ей исполнилось *шесть* лет. И совсем по другим обстоятельствам.

В 1840 году Анна Ивановна тяжело заболела, умерла и была похоронена в Петербурге на Смоленском евангелическом кладбище. А заботу о детях целиком взяла на себя ее сестра Екатерина Ивановна фон Эссен, овдовевшая в том же году. Александр Дмитриевич, видимо, и прежде симпатизировал ей. Не случайно родившуюся в 1833 году дочь он назвал Екатериной. После смерти жены они сближаются еще больше, и в апреле 1841 года А.Д. Бланк решает вступить с Екатериной Ивановной в законный брак. Однако подобные браки — с крестной матерью его дочерей и родной сестрой покойной супруги — закон не разрешал. И Екатерина Ивановна фон Эссен становится его гражданской женой.

В том же апреле 1841 года они покидают столицу и всем семейством переезжают в Пермь, где Александр Дмитриевич получил должность инспектора Пермской врачебной управы и врача Пермской гимназии. Именно здесь он познакомился с учителем латы-

ни И.Д. Веретенниковым, ставшим в 1850 году мужем его старшей дочери Анны, и преподавателем математики А.А. Залежским, взявшим в жены Екатерину Бланк. Но это случилось позднее, а в марте 1843 года А.Д. Бланк стал заведовать госпиталем Юговского казенного завода, в сентябре 1845 года был назначен врачом Златоустовской оружейной фабрики, а с 21 мая 1846 года занял должность медицинского инспектора Златоустовских госпиталей, где и закончилась его служба¹⁰.

В историю российской медицины А.Д. Бланк вошел как один из пионеров отечественной бальнеологии — лечения минеральными водами. На пенсию он вышел в конце 1847 года с должности доктора Златоустовской оружейной фабрики, дослужился до чина надворного советника, дававшего право на дворянство, и уехал с Урала в Казанскую губернию, где в 1848 году в Лаишевском уезде на его берегу, а в основном на средства Екатерины Ивановны, было куплено имение Кокушкино с 462 десятинами земли (503,6 га), водяной мельницей и 39 крепостными крестьянами¹¹. 4 августа 1859 года Сенат утвердил А.Д. Бланка и его детей в потомственном дворянстве, и они были занесены в книгу Казанского дворянского депутатского собрания.

Вот так Мария Александровна Бланк оказалась в Казани, а затем в Пензе, где познакомилась с Ильей Николаевичем Ульяновым...

Их свадьбу, как до этого и свадьбы других сестер Бланк, сыграли в Кокушкине 25 августа 1863 года. Но «медовый месяц» оказался слишком коротким. 7 сентября там же, в Кокушкине, скончалась крестная мать и воспитательница Марии Александровны Екатерина Ивановна фон Эссен. Лишь после ее похорон молодожены 22 сентября уехали в Нижний Новгород, куда Илья Николаевич получил назначение старшим учителем математики и физики мужской гимназии.

«Шестидесятники»

Все-таки неблагоприятное это занятие — собирать по веточкам «генеалогическое древо». Удовлетворяя законное любопытство, оно мало что объясняет.

И в самом деле, протягивая через столетия родственную нить, выводя одно поколение из другого, оно как бы вырывает судьбу каждого из контекста своего времени. И переносит центр тяжести на факторы чуть ли не генетические. А ведь конкретные обстоятельства и события того времени влияли на поступки, создавали альтернативы выбора пути, формировали образ жизни значительно сильнее, нежели кровнородственное наследство.

19 июля 1831 года, когда протоиерей Николай Ливанов в астраханской церкви Николы Гостинного крестил Илию — второго сына Николая Ульянова и его законной жены Анны, — в этот год император Николай I пожелал, «чтобы крепостные дети отнюдь не были отдаваемы для воспитания в такие учебные заведения, в коих они могли бы получить образование, превышающее состояние их..

Когда же Илья Николаевич все-таки закончил гимназию и ее директор А.П. Аристов 10 июня 1850 года обратился к попечителю Казанского учебного округа с ходатайством об университетской стипендии для «даровитого мальчика», ему ответили, что для стипендии «происходящему из податного состояния» и «принадлежащего к мещанскому сословию нет достаточного основания». И только помощь брата позволила И.Н. Ульянову закончить университет¹².

18 февраля 1855 года император Николай I скончался. Профессор МГУ историк С. Соловьев, шагая по арбатским переулкам, размышлял: «Я не был опечален смертью Николая, но в то же время чувствовалось не по себе, примешивалось беспокойство, опасение; что, если еще хуже будет?! Человека вывели из тюрьмы, хорошо, легко дышать свежим воздухом; но куда ведут? — может быть, в другую, еще худшую тюрьму?»

Этот безрадостный внутренний монолог прервал повстречавшийся коллега — профессор Т. Грановский. Первым словом Соловьева вместо приветствия было: «Умер». Грановский ответил: «Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно, что мы с вами живы»¹³.

А.И. Герцен записал: «Свободной России мы не увидим. Мы умрем в сенях, и это не от того, что при входе в хоромы стоят жандармы, а от того, что в наших жилах бродит кровь наших прадедов — сеченных кнутом и битых батогами, доносчиков Петра и Бирона, наших дедов-палачей, вроде Аракчеева и Магницкого, наших отцов, судивших декабристов, судивших Польшу, служивших в III отделении, забивавших в гроб солдат, засекавших в могилу крестьян. От того, что в жилах наших лидеров, наших журнальных заправил догнивает такая же гадкая кровь, благоприобретенная их отцами в передних, съезжих и канцеляриях»¹⁴.

На престол взошел император Александр II... И Н.А. Добролюбов в «Оде на смерть Николая I» написал:

По неизменному природному закону,
События идут обычной чередой:
Один тиран исчез, другой надел корону,
И тяготеет вновь тиранство над страной.

И вдруг в 1856 году для непосвященных как гром среди ясного неба — обращение Александра II к московскому генерал-губернатору:

«Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить вам, что я не имею намерения сделать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу»¹.

А через шесть лет после восшествия на престол — после долгих обсуждений в дворянских комитетах, чиновничьих ведомствах и

Государственном совете — 19 февраля 1861 года Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права. «Все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, — с удовлетворением заявил он, — сделано». 5 марта манифест был обнародован, и по всей России во всех церквях звонили колокола и с амвонов возносились молитвы в честь «царя-освободителя».

Мало кто устоял... Признавая заслуги Александра II, Герцен вспомнил библейские слова: «Ты победил, галилеянин!» Даже такой радикал, как Чернышевский, написал: «Уничтожение крепостного права благословляет времена Александра II славой, высочайшей в мире». Надо было время, чтобы осознать и оценить происходящее.

Реформа косвенно затронула и семью Ульяновых. Имение А.Д. Бланка, куда летом приезжали все его дочери с семьями, тоже имело крепостных. Но, по свидетельству Анны Ильиничны Ульяновой, ненависти к хозяевам тамошние крестьяне не испытывали. Наоборот, как врач, принимавший больных со всех окрестных сел, Александр Дмитриевич пользовался всеобщим уважением. «Кокушкино, — рассказывает Анна Ильинична, — было благоприобретенное имение, и поэтому между владельцами его и крепостными не могло быть тех отношений, которые складывались у родовитых помещиков, потомственно владевших крепостными душами»¹⁵.

После 1861 года реформы следовали одна за другой. Получили новый импульс для своего развития промышленность и сельское хозяйство. Появились невиданные ранее учреждения — суд присяжных, земства. К руководству образованием допустили общественность. Стали создаваться губернские и уездные училищные советы. Разрабатывались проекты массовой народной школы. А такие лучшие умы, как «отец русской педагогики» К.Д. Ушинский, уже стали мечтать о ликвидации в России неграмотности.

«...Вся Россия, — вспоминал великий бунтарь князь П.А. Кропоткин, — говорила об образовании. Любимыми темами для обсуждения в прессе, в кружках просвещенных людей и даже в великосветских гостиных стало невежество народа, препятствия, которые ставились до сих пор желающим учиться, отсутствие школ в деревнях, устаревшие методы преподавания, а как помочь всему этому, началось сильное движение для основания воскресных школ»¹⁶. Точное слово, характеризующее тогдашнее состояние умов, нашел поэт Тютчев: «Оттепель!»

Если попытаться вычленив некую общую идею, которая определяла умонастроения «шестидесятников», то таковой, видимо, следует признать идею «общего блага» как гармонии личных и общественных интересов. В конце 60-х ее наиболее полно сформулировал в «Исторических письмах» Петр Лавров.

«Ясно понятые интересы личности, — писал он, — требуют, чтобы она стремилась к осуществлению общих интересов. Истинная общественная теория требует не *подчинения* общественного элемента личному и не *поглощения* личности обществом, а *слития* об-